A 186/274

Г. 186.
274.

Н. А. Ѳирсовъ.

ПАМЯТИ

ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

МЫСЛИ ЕГО ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ВЪ РОССІИ ВООБЩЕ И О ПРОСВѢЩЕНІИ ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 Декабря 1890 года по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти Предсѣдателемъ Общества, заслуж. орд. проф. Н. А. Ѳирсовымъ).

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

А 186/274

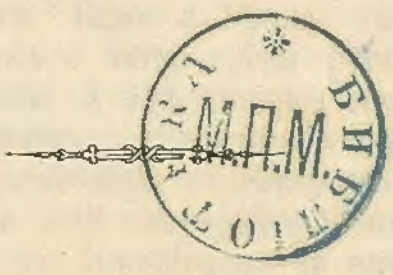
Н. А. Өирсовъ.

ПАМЯТИ

ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

МЫСЛИ ЕГО ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ВЪ РОССІИ ВООБЩЕ И О ПРОСВѢЩЕНІИ ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 Декабря 1890 года по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти Предсѣдателемъ Общества, заслуж. орд. проф. Н. А. Өирсовымъ).



КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

2007041722

ПАМЯТИ
ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

Мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности.

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 Декабря 1890 года по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти Предсѣдателемъ Общества, заслуж. орд. проф. Н. А. Ѳирсовымъ).

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, который былъ очень близокъ къ нашему обществу, состоя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на самыхъ первыхъ порахъ его существованія, его предсѣдателемъ и организаторомъ его, находился почти двадцать лѣтъ во главѣ управленія учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Этотъ округъ былъ самымъ обширнымъ въ имперіи; къ нему причислено было 11-ть губерній, расположенныхъ по воднымъ системамъ Волги, Камы и Урала. На этомъ огромномъ пространствѣ рядомъ и часто среди русскаго населенія обитало и обитаетъ свыше 4 мил. инородческаго населенія, что конечно весьма значительно усложняло и утрудняло задачу учебно-воспитательнаго управленія въ сѣверо-восточномъ краѣ нашего государства. Уже этой непрерывной долговременности служенія покойнаго Петра Дмитріевича на высокомъ, отвѣтственномъ, постѣ главнаго начальника учебно-воспитательнаго дѣла въ этомъ краѣ достаточно, чтобы имя его и дѣятельность могли имѣть право на почетное и важное мѣсто въ исторіи нашего духовнаго развитія. Но это право его на вниманіе историка въ нашихъ глазахъ еще болѣе должно увеличиться,

если мы примемъ въ соображеніе тѣ, прежде не существовавшія условія общественнаго развитія Россіи, при которыхъ ему пришлось занимать означенный высокій постъ попечителя учебнаго округа въ нашемъ краѣ.

Петръ Дмитріевичъ явился въ Казани въ 1863 году въ должности помощника попечителя учебнаго округа и вскорѣ, за болѣзнію самого попечителя Стендера, сталъ управлять округомъ и наконецъ, по выходѣ послѣдняго въ отставку, въ 1865 году самъ назначенъ былъ попечителемъ. Это была блестящая пора въ исторіи Россіи, не только въ царствованіе императора Александра II, но и вообще въ нашей исторіи. То была пора недавняго освобожденія крестьянъ отъ вѣковаго рабства; то была пора, когда готовились къ обнародованію новые судебные уставы, положенія о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, новый законъ о воинской повинности и другія важныя реформы, за тѣмъ осуществившіяся. Всѣ эти великія реформы могущественно подѣйствовали на учебно-воспитательное дѣло въ Россіи, повлекли за собою въ немъ также важныя измѣненія и нововведенія: въ 1863 году университетамъ дарованъ былъ новый уставъ, доставившій этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи самоуправленіе и богатыя, сравнительно съ прежнимъ временемъ, средства къ учено-педагогической дѣятельности, открывшій широко двери въ эти заведенія прошедшей среднюю школу молодежи и освободившій ее отъ прежняго стѣснительнаго наблюденія университетской инспекціи за ея внѣшнимъ поведеніемъ; при университетѣ нашемъ возникаютъ ученыя общества: естественно-историческое съ отдѣленіями этнографіи и антропологіи; общество врачей; наше общество археологіи, исторіи и этнографіи; устраиваются съѣзды ученыхъ; возникаетъ благотворительное общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ нашего университета; появляется въ Казани новое высшее учебное заведеніе—Ветеринарный Институтъ; въ системѣ средняго образованія совершаются важныя измѣненія; къ гимназіямъ, радикально преобразованнымъ, прибавляются новыя среднія заведенія подъ именемъ реальныхъ училищъ; возникаютъ также прежде несуществовавшія женскія гимназіи и прогимназіи; въ Казани устраиваются высшіе женскіе курсы; въ системѣ низшаго образованія происходятъ еще болѣе значительныя перемѣны: въ городахъ и селахъ возникаетъ такое множество начальныхъ школъ какъ

2007041722

для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, о которомъ прежде едвали кто и мечталъ; прежнія, сослужившія хорошую службу дѣлу народнаго образованія, уѣздныя училища должны уступить мѣсто училищамъ новаго типа подъ названіемъ городскихъ училищъ; устраиваются институты и семинаріи для приготовленія учителей какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и для начальныхъ народныхъ училищъ. Наконецъ поднимается и разрѣшается въ извѣстномъ направленіи имѣющій, по справедливому выраженію гр. Д. А. Толстаго, значеніе важнаго государственнаго вопроса, вопросъ инородческій, или, частнѣе, вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи инородческаго населенія, въ громадномъ большинствѣ русскаго и христіанскаго только по имени, и о сближеніи его путемъ школьнаго ученія въ дѣйствительности съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ.

Но эта преобразовательная пора славнаго движенія вмѣстѣ съ тѣмъ была самая тяжкая въ жизни Россіи. Такія великія освободительныя и просвѣтительныя идеи, которыми проникнуты вышеозначенные государственные акты, никогда не воплощаются въ осязательное дѣло безъ борьбы съ противоположными темными началами. И борьба обозначилась въ Русскомъ государствѣ сейчасъ же, какъ пронесся мощный голосъ Державнаго вождя Русской земли объ освобожденіи крестьянъ изъ подъ неволи. Въ 1863 году явственно обнаружившійся мятежъ въ предѣлахъ прежней Рѣчи Посполитой, гдѣ развилось наиболѣе сильно рабство, былъ отвѣтомъ на освободительную политику покойнаго Императора.

Возстаніе польское отрыгнулось и на Волгѣ. Эта приволжская диверсія польскаго возстанія, начатаго подъ предлогомъ возстановленія польской политической независимости, какъ и самое возстаніе, имѣла печальный исходъ для виновниковъ ихъ. Но внутренняя борьба тѣмъ не менѣе не прекращалась; она выразилась въ слѣдующихъ явленіяхъ нашей жизни, засвидѣтельствованныхъ покойнымъ Петромъ Дмитріевичемъ публично (*Слово, произнесенное имъ 9 апр. 1879 г. въ актовомъ залѣ Университета по случаю спасенія жизни Имп. Александра II отъ злод. покушенія 2-го апрѣля. Приложк къ цирк. по Каз. уч. округу № 4; 1879 г.*) и для каждаго изъ насъ извѣстныхъ. „Ты ли это святорусская дорогая наша земля, — приходится съ горечью воскликнуть, — въ которой чуть не каждый день убиваетъ себя кто-нибудь изъ сыновъ твоихъ, въ которой

дѣти поднимаются на родителей, не признавая не только родственнаго авторитета, но даже обязанностей своихъ въ отношеніи къ родителямъ; гдѣ не только не признается, но самымъ дерзскимъ образомъ, явно, на соблазнъ другимъ, нарушается святость домашняго очага, гдѣ являются исчадія духа лжи и тьмы, которыя, подъ предлогомъ общаго блага и счастія народнаго, не признаютъ никакихъ правъ и никакихъ обязанностей, даже права и обязанности жить, которыя стоятъ за угломъ съ кинжаломъ и револьверомъ и ждутъ своихъ жертвъ, и чѣмъ болѣе личность имѣетъ заслугъ предъ отечествомъ, тѣмъ менѣе она безопасна, тѣмъ скорѣе она можетъ ожидать смерти изъ за угла отъ этихъ самозванныхъ распорядителей судьбами отечества, отъ этой болѣзненной накипи современнаго общества" и гдѣ наконецъ (*Слово 1-го марта 1882 г. Цирк. по Каз. Уч. Окр. № 3-й; 1882 г.*) „царь освободитель, всю жизнь свою посвятившій сердечной заботѣ о благѣ горячо любимаго имъ народа, всю жизнь свою твердо державшій государственное знамя мира, законности, свободы и свѣта, палъ, какъ безстрашный боецъ, въ борьбѣ съ исчадіями мрака, стремящимися къ анархіи и сокрушенію всего строя общественной и государственной жизни Россіи". Вліяніе этой среды стало проникать, хотя и не въ значительной мѣрѣ, и въ школу. Рядомъ, рука объ руку съ означеннымъ зломъ, появилось въ общественномъ организмѣ Россіи другая тоже весьма злокачественная язва: я разумѣю обвиненія, большею частью тайныя, изъ за угла, обвиненія, направленныя противъ людей, совершенно не причастныхъ первому злу, напротивъ убѣжденныхъ приверженцевъ великихъ освободительныхъ началъ, возвѣщенныхъ царемъ освободителемъ и мученикомъ, — обвиненія въ политической неблагонадежности. И прежде всего такія нападенія направлялись на самый беззащитный въ матеріальномъ отношеніи элементъ общества, который наиболѣе сочувственно отнесся къ преобразовательной дѣятельности правительства,— это на школу и первѣе всего на Университеты. Ко всѣмъ отмѣченнымъ преобразовательнымъ дѣяніямъ правительства, а равно явленіямъ жизни общества, отражавшимся и на жизни школы, покойный попечитель Петръ Дмитріевичъ поставленъ былъ чрезвычайно близко, или какъ исполнитель правительственныхъ распоряженій, или какъ иниціаторъ новыхъ мѣропріятій и вообще какъ начальный человѣкъ учебно - воспита-

тельнаго дѣла въ обширной части имперіи. Если бы возможно было всесторонне разсмотрѣть долголѣтнюю административно-педагогическую дѣятельность покойнаго Петра Дмитріевича, которая при его жизни признавалась неоднократно и гласно въ высшей степени плодотворною и полезною и со стороны сослуживцевъ покойнаго, и остальнаго общества, и наконецъ со стороны высшаго правительства, то это разсмотрѣніе составило бы въ высшей степени поучительныя главы изъ исторіи нашего духовнаго и общественнаго развитія въ переживаемую нами вторую половину XIX столѣтія. Но это дѣло будущаго времени: это будетъ возможно тогда лишь, когда будетъ извѣстна оффиціальная и частная переписка покойнаго, когда явятся на свѣтъ воспоминанія или даже простыя замѣтки людей, хорошо знавшихъ покойнаго и безпристрастныхъ, о дѣятельности его, и когда наконецъ можно будетъ пользоваться обширнымъ его дневникомъ, который онъ аккуратно велъ въ теченіи своей служебной дѣятельности въ Казани, внося въ него не только фактическія отмѣтки, но и часто секретныя бумаги и распоряженія, а равно и свои сужденія по поводу выдававшихся событій и тѣсно связанныхъ съ ними лицъ.

Не смотря на то въ дѣятельности покойнаго есть пунктъ, который и теперь имѣется возможность до нѣкоторой степени уяснить себѣ: это его идеи объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности. Вопросъ этотъ, думаю, не можетъ не представляться важнымъ, когда онъ примѣняется къ личности, стоявшей много лѣтъ во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ обширной и разноплеменной части Россіи. Позволяю себѣ высказать и то мнѣніе, что этотъ вопросъ и въ настоящее время, когда поднимаются толки о необходимости измѣненія существующей системы общественнаго воспитанія, не только у насъ, но и за границей, — не лишенъ значенія современности. Къ счастію кромѣ личныхъ воспоминаній о покойномъ, съ которымъ обстоятельства ставили насъ въ довольно близкое соприкосновеніе, мы имѣемъ для того источникъ, который можетъ быть доступенъ всякому, и на основаніи котораго можно провѣрить то, что имѣетъ быть сейчасъ сообщено. Это печатные труды покойнаго, помѣщенные большою частію въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: а) труды, относящіеся къ области

педагогіи в) труды по классической литературѣ и с) труды по русской исторіи. Я не имѣю въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе этихъ трудовъ со стороны ихъ научнаго достоинства. Для меня въ настоящемъ случаѣ эти труды, (которые,—не могу всетаки не высказать о нихъ общаго сужденія,— написаны съ полнѣйшею добросовѣстностію и свидѣтельствуютъ о замѣчательной эрудиціи и педагогической опытности покойнаго), — составляютъ главнымъ образомъ источникъ, изъ котораго я собралъ разсѣянныя въ нихъ данныя для посильнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса. Поэтому труды по классической филологіи я долженъ оставить въ сторонѣ. Для первой части поставленнаго вопроса, къ которой я теперь приступаю, я пользовался слѣдующими печатными сочиненіями покойнаго Петра Дмитріевича, за доставленіе которыхъ мнѣ я приношу мою искреннюю признательность А. С. Рождествину, приводившему въ извѣстность библіотеку покойнаго. 1) Географія Смоленской губерніи 1857 г. Оттискъ изъ памятной книжки Смоленской губерніи за 1857 г. 2) Общественное воспитаніе. Оттискъ журнала „Воспитаніе“ за 1861-й г. № 4. 3) Песталоцци. Его жизнь и практическая дѣятельность. Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1861 г. № 8-й и 9-й. 4) Очерки общественнаго воспитанія (безъ обозначенія, гдѣ и когда напечатано). 5) Суровый домъ близь Хамбурга (Rauches Haus zu Hurn) Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1863 г. в) Мысли Н. Мих. Карамзина о воспитаніи. Каз. 1866 г. 7) Московскій Университетъ въ 1840-хъ годахъ. Русская старина 1886 г.

Относительно задачъ воспитанія вообще безъ различія, будетъ-ли то домашнимъ или общественнымъ, которыхъ касается покойный Петръ Дмитріевичъ, онъ высказывается въ названныхъ своихъ печатныхъ трудахъ весьма кратко, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что этотъ вопросъ хорошо уже исчерпанъ. Задача воспитанія заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы изъ воспитанника образовать человѣка, т. е., чтобы изъ него вышелъ человѣкъ здоровый въ физическомъ отношеніи, съ твердымъ и честнымъ характеромъ и съ здравыми нравственно-религіозными убѣжденіями. Самая лучшая воспитательная среда—это семейство, мать и отецъ. Но это, по убѣжденію Петра Дмитріевича, не значитъ, что ребенка слѣдуетъ воспитывать, не обращая вниманія на религію и на-

родность, къ которымъ онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Здѣсь онъ является рѣшительнымъ противникомъ воспитательной теоріи Ж. Ж. Руссо. По убѣжденію покойнаго воспитывать молодое поколеніе, отрѣшаясь отъ національности и религіи и вообще отъ основныхъ, выработанныхъ отечественною исторіей, началъ, значитъ обезличивать питомцевъ. Примѣняя это убѣжденіе къ нашему отечеству, онъ, согласно съ мнѣніемъ Карамзина (мысли Карамзина о воспитаніи) является рѣшительнымъ противникомъ воспитанія дѣтей русскихъ подъ руководствомъ иностранцевъ, что было въ ходу въ теченіи слишкомъ ста лѣтъ и что не упразднено совсѣмъ, къ сожалѣнію, и теперь. „Чужестранецъ, говоритъ П. Д., по нашему крайнему убѣжденію, не долженъ быть домашнимъ воспитателемъ русскихъ дѣтей: изъ чужестранца нельзя сдѣлать русскаго; чужестранецъ имѣетъ свои, свойственные его національности, взгляды и убѣжденія, нравы и привычки, и хотя бы онъ и воздерживался отъ передачи ихъ на словахъ своему питомцу, онъ не въ силахъ не выдать на дѣлѣ, въ дѣйствіяхъ, сложившихся въ немъ убѣжденій, не въ силахъ не выказать своихъ нравовъ и привычекъ,—а извѣстно, что примѣръ дѣйствуетъ на ребенка быстрѣе и сильнѣе всякихъ словъ. И потому питомецъ воспитателя — иноземца никогда вполнѣ русскимъ не будетъ“ (Мысли Карамзина о воспитаніи 12—13). Еще рѣшительнѣе покойный выражался противъ обычая извѣстной группы русскихъ людей посылать своихъ дѣтей ранѣе зрѣлаго возраста въ науку за границу. Приведя цѣлый отрывокъ изъ статьи Карамзина „Странникъ“, проникнутый полнымъ отрицаніемъ этого обычая и дѣйствительно замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, покойный отъ себя прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы родители не поручали воспитанія своихъ дѣтей иноземнымъ воспитателямъ; тогда и только тогда можемъ мы надѣяться, что между нами не будетъ русскихъ, любящихъ чужую землю больше своей родины, не будетъ англомановъ, галломановъ и всяческихъ мановъ, а будутъ русскіе, любящіе отечество и ставящіе его интересы выше всего“ (Тамъ же 14—15). Покойный, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, не можетъ помириться и съ тѣми русскими, которые надолго оставляютъ родину, чтобы наслаждаться жизнію въ чужой землѣ. „Человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ чужихъ земляхъ, между чужими людьми, не тоскуя

о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить одни звуки, играя въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался,— сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ“ (Слово Карамзина. Тамъ же, 15)“. Такимъ образомъ, по убѣжденію покойнаго Петра Д., воспитаніе всякаго русскаго человѣка должно быть всестороннее и національное, т. е. въ духѣ основныхъ началъ народности, выработанныхъ нашей исторіей, — православія и самодержавія. Но онъ очень хорошо зналъ, что рѣдкое семейство, хотя семейство и составляетъ главную воспитательную среду, въ силахъ дать подобное воспитаніе. Отсюда— необходимость общественнаго воспитанія, сознававшагося съ издавна, о чемъ свидѣтельства приводитъ самъ же Петръ Дм. Говоря объ этомъ предметѣ, онъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ, не много говоритъ о томъ, чему слѣдуетъ учить въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а касается наиболѣе воспитанія или, точнѣе, воспитанія нравственнаго въ обширномъ значеніи этого слова, и разсуждаетъ о дѣлѣ не только на основаніи изученной имъ философской и педагогической литературы, древней и новой, но и на основаніи собственнаго опыта.

Дѣло общественнаго воспитанія въ странѣ онъ ставляетъ не только правомъ, но и обязанностью государства. Однако по вопросу объ обязательномъ обученіи всѣхъ безъ изъятія подданныхъ онъ не склонялся къ разрѣшенію его въ утвердительномъ смыслѣ. Впрочемъ онъ возрѣнія по этому вопросу печатно съ опредѣленностью не высказывалъ. Онъ находилъ, сколько я знаю изъ частныхъ съ нимъ бесѣдъ, законъ объ обязательной грамотности, предлагавшійся въ литературѣ, не нужнымъ, такъ какъ приведеніе его въ исполненіе не можетъ обойтись безъ принудительныхъ мѣръ, чего въ воспитательномъ дѣлѣ онъ не допускалъ, и излишнимъ потому, что сами городскіе и сельскіе обыватели силою вещей приведены будутъ къ мысли о необходимости для своихъ дѣтей заводить школы. „На первыхъ порахъ, говоритъ онъ, училищнымъ совѣтамъ, по нашему крайнему убѣжденію, слѣдуетъ озаботиться не о количествѣ, а о качествѣ школъ, чтобы послѣднія были раціонально устроены и имѣли наставниковъ, хорошо подготовленныхъ и, что самое

главное, съ религіознымъ, нравственнымъ направленіемъ. Вполнѣ доброкачественная школа можетъ быть разсадникомъ не только хорошо развитыхъ учениковъ, но и полезныхъ народныхъ учителей (Мысли Карамзина о воспитаніи. 11)".

Для того, что бы могли возникнуть такія школы, покойный совѣтуетъ училищнымъ совѣтамъ, „въ руки которыхъ передано народное образованіе,—относиться къ тяжолому и важному труду народныхъ учителей съ полнымъ уваженіемъ и озаботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго, по истиннѣ горькаго, положенія. (Тамъ же)".

Объ общественномъ воспитаніи женщинъ онъ высказался въ печати вполнѣ опредѣленно. Онъ вполнѣ признаетъ право женщинъ на допущеніе къ общественному воспитанію какъ въ низшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Передавая взглядъ Карамзина на женщину, Петръ Дм. пишетъ между прочимъ: „Какъ порадовался бы Карамзинъ, если бы дожилъ до открытія нашихъ теперешнихъ женскихъ училищъ, имѣющихъ то важное преимущество передъ закрытыми женскими заведеніями, что они не отрываютъ дѣвицы отъ семьи, гдѣ ея настоящее мѣсто, какъ будущей матери, воспитательницы и хозяйки (Мысли Карамзина о восп. 17)". Покойный также вполнѣ признавалъ право русской женщины и на высшее, общее университетское, образованіе и потому всѣми силами поддерживалъ существовшіе въ Казани въ теченіи 10 лѣтъ высшіе женскіе курсы. Но признавая такимъ образомъ за женщиной право на общественное образованіе, онъ не былъ сторонникомъ полной женской эманципаціи; онъ не находилъ полезнымъ дать возможность женщинамъ" выходить на политическую арену изъ лона семейнаго счастія, гдѣ на ихъ долю выпало завидное, высокое и святое предназначеніе. Благо той семьѣ, тому обществу и государству, гдѣ женщина воспитывается для семейной жизни и, не стремясь играть несвойственной ей роли мущины, остается женщиною, стыдливою, скромною, трудолюбивой и бережливой помощницей мужа и любящей воспитательницей дѣтей" (Тамъ же 21).

Говоря объ общественномъ воспитаніи, Петръ Дмитріевичъ разумѣлъ тѣ школы, куда сами родители добровольно отдаютъ своихъ дѣтей для обученія и воспитанія, добровольно, такимъ образомъ, передавая свои воспитательныя права лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ со стороны государства и общественной

власти. Исходя изъ той основной мысли, что общественная воспитательная школа составляетъ замѣну естественной воспитательной среды, именно семьи, онъ и къ воспитателямъ и учителямъ общественныхъ школъ предъявляетъ соотвѣтствующія требованія. По его убѣжденію общественная школа должна во внутреннемъ своемъ строѣ походить на семью, руководиться началами любви, уваженія и той разумной строгости по отношенію къ питомцамъ, которыя предъявляютъ родители нормальной семьи къ своимъ дѣтямъ. Приведу нѣсколько выписокъ изъ печатныхъ трудовъ покойнаго съ цѣлію иллюстраціи этихъ и другихъ общихъ его положеній.

„Принимая на себя обязанность воспитателя въ общественномъ заведеніи, берегитесь брать роль только чиновника: чиновникъ воспитателемъ быть не можетъ, воспитатель не долженъ быть чиновникомъ". Способами чиновничьяго отношенія воспитателя къ дѣлу, разыгрываніемъ роли начальника надъ воспитанниками, горделивымъ и тѣмъ болѣе пренебрежительнымъ къ нимъ, какъ существамъ глупымъ и низшимъ, отношеніемъ и крикливыми приказаніями, а равно излишнею фамиліарностію, никогда онъ не пріобрѣтетъ къ себѣ любви и уваженія со стороны воспитанниковъ,—этихъ главныхъ условій успѣха воспитательнаго дѣла. „Уваженіе и любовь—чувства; а чувство нельзя вложить предписаніемъ; нельзя приказать: люби и уважай такого-то, какъ можно приказать сдѣлать на караулъ цѣлому полку, не только одному солдату. Масса дѣтей, собранная съ воспитательною цѣлію, не полкъ, воспитательное заведеніе — не казарма, начальникъ ихъ, вѣрнѣе, главный воспитатель—не полковой командиръ. Дисциплина училища не можетъ и не должна быть матеріальная, а нравственная".

„Не физическою силою и командою внушается чувство любви, уваженія и довѣрія..... Воспитатель, по нашему мнѣнію, долженъ быть *человѣкомъ*; тогда онъ скорѣе изъ воспитанника образуетъ человѣка. Если воспитатель желаетъ, чтобы воспитанникъ былъ близокъ къ нему, имѣлъ довѣріе, ему не слѣдуетъ становиться на ходули, какъ малы бы они ни были: ему слѣдуетъ поступать согласно съ своей природой, показывать себя такимъ, каковъ онъ есть, быть натуральнымъ. Дѣти, увидѣвъ и убѣдившись, что воспитатель открыто, прямо дѣйствуетъ съ ними, и сами отъ него не будутъ прятаться. А

если вы достигнете того, что дитя не прячется предъ вами, а является такимъ, каково оно есть, вы уже много сдѣлали для успѣха въ дѣлѣ его воспитанія, потому что вы получили возможность узнать его внутреннія свойства, его характеръ, и, стало быть, можете дѣйствовать на него согласно съ его организаціей, можете развивать его индивидуально“ (Тамъ же). Только дѣйствуя такимъ образомъ, т. е., только относясь самъ почеловѣчески, съ любовію къ дѣлу воспитанія, воспитатель пріобрѣтаетъ, по мнѣнію покойнаго, педагогическую опытность и научится освобождаться отъ недостатковъ, вредящихъ дѣлу воспитанія“. „Всякій, пишетъ покойный П. Д.,—занимавшійся воспитаніемъ, собственнымъ опытомъ узналъ, какъ образуется и крѣпнетъ его характеръ, какъ, подобно наросшей корѣ, спадаютъ съ него горячность и жесткость. Многіе изъ насъ, поступая на чреду воспитательнаго служенія, пылки, горячи и иногда жестоки. Сами мы давно вышли изъ младенческихъ лѣтъ и нерѣдко позабываемъ, каковы мы были дѣтьми, каковы были наши взгляды и убѣжденія въ то давнее время, и потому насъ непріятно поражаютъ дѣтскія понятія и убѣжденія, столь сильно расходящіяся съ нашими. Мы понимаемъ, что они ложны и часто вредны и, изъ добраго, безъ сомнѣнія, желанія поскорѣе искоренить это ложное воззрѣніе дѣтей, пылаемъ, горячимся, прибѣгаемъ къ суровымъ мѣрамъ и нерѣдко этою горячностію и суровостію портимъ вначалѣ сіе дѣло, отдаляемъ отъ себя сердца нашихъ воспитанниковъ, лишаемъ ихъ довѣрія и сами себѣ заграждаемъ дорогу къ ихъ усовершенствованію. Но чѣмъ больше мы живемъ съ дѣтьми, чѣмъ зорче и внимательнѣе мы всматриваемся, тѣмъ яснѣе возстаютъ передъ нашими глазами былые годы нашего дѣтства, и внутренній голосъ громко начинаетъ говорить намъ: вы сами были такими-же, сами также ложно смотрѣли на вещи, какъ эти дѣти, сами дѣлали такіе-же непростительные промахи. И подъ могучимъ говоромъ этого голоса, подъ сильнымъ вліяніемъ опыта, наша жесткость начинаетъ спадать, смягчается сердце, укращается волненіе крови, и голосъ нашъ въ разговорѣ съ дѣтьми изъ громкаго, крикливаго и грознаго становится мягкимъ, но чрезъ то болѣе внушительнымъ для нихъ. Не теорія воспитываетъ врача, а практика, самое дѣло. Тоже прилагается и къ воспитателю. Можно прочитать цѣлые томы педагогическихъ сочиненій, выслушать полнѣйшій курсъ

педагогики,—и не умѣть взяться за дѣло, не знать природы дѣтей. Но займитесь съ любовію воспитаніемъ дѣтей, поживите съ ними подольше, узнайте ихъ покороче, и вы увидите, что съ ними можно дѣлать дѣло, что они не такъ дурны и тупы, какъ о нихъ думаютъ и говорятъ взрослые; вы пріобрѣтете необходимый въ дѣлѣ воспитанія навыкъ, умѣнье управлять ребенкомъ безъ грозныхъ, раздирающихъ душу, криковъ, безъ ужасающихъ мѣръ“ (Тамъ же 7—8).

Но кромѣ довѣрія и любви воспитатель для успѣха дѣла необходимо долженъ пріобрѣсти со стороны воспитанниковъ уваженіе. Только при такомъ условіи онъ, по мнѣнію П. Д., можетъ разсчитывать на благотворное вліяніе на нихъ. Для этого онъ долженъ служить самъ для нихъ образцомъ безупречного человѣка въ нравственномъ отношеніи.

„Путь наставленій—долгій путь; самый краткій и дѣйствительный путь примѣровъ. Longum iter per praecepta, brevis et efficax per exempla“. Длинныя разсужденія и морали мало трогаютъ учениковъ: ихъ логика простая, умъ прямой, они любятъ дѣло, а не слово. Голосъ дѣлъ вашихъ могущественнѣе подѣйствуетъ на нихъ, чѣмъ голосъ вашихъ устъ. Напрасно предаваться печальной иллюзіи, будто дѣти въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи многаго не понимаютъ и не замѣчаютъ.... Не надѣйтесь укрыть отъ ихъ зоркихъ глазъ даже тайнъ семейной жизни. Напрасны будутъ тогда ваши назидательно нравственные уроки; на ваши рѣчи они будутъ апеллировать вашимъ дѣламъ; и самое малое, но вмѣстѣ самое худшее будетъ, если они, насмѣхаясь надъ вами, станутъ подражать вамъ,—это зло неисправимое, потому что пороки проникнутъ мозгъ костей ихъ, сдѣлаются нравами всей ихъ жизни“ (Тамъ же).

Въ своей статьѣ „Очерки общественнаго воспитанія“ покойный, такъ сказать, въ лицахъ, очевидно взятыхъ имъ изъ дѣйствительности, даетъ указаніе на то, что педагоги, даже въ извѣстномъ отношеніи почтенные, вредно вліяли на учениковъ средне-учебнаго заведенія, и это только въ силу того, что они за собой имѣли привычки нежелательнаго свойства. Одинъ, который былъ былъ инспекторомъ, предавался игрѣ въ карты съ цѣлію полученія прибыли; другой, который былъ директоромъ, въ сущности ничего не дѣлалъ, являясь въ заведеніе лишь на краткое время, во всемъ величіи власти начальника;

третій—учитель немилосердо любилъ врать, четвертый—надзиратель отличался скупостью и пр. Съ тѣмъ, что онъ разсказываетъ относительно вреднаго вліянія такихъ недостатковъ воспитателей на воспитанниковъ, нельзя не согласиться. Но рождается вопросъ: гдѣ же найти воспитателей и учителей, совершенно свободныхъ отъ всякихъ недостатковъ и слабостей, дѣйствительныхъ, или почитаемыхъ за таковыя. Иной безупреченъ въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ, но имѣетъ странныя привычки, которыхъ не осудитъ никакой кодексъ нравственности, но которыя дѣлаютъ его предметомъ смѣха и даже осмѣянія въ обществѣ и, стало быть, въ школѣ. Это возраженіе покойный признавалъ существеннымъ и не видѣлъ возможнымъ его устранить, называя общія свои педагогическія сужденія идеалами, pia desideria. Но имѣются качества, которыя неотложно слѣдуетъ требовать, по его мнѣнію, отъ воспитателя, будетъ-ли онъ сельскимъ учителемъ, директоромъ заведенія, профессоромъ и высшимъ начальникомъ учебно-воспитательнаго дѣла, и которыя присущіе ему недостатки и слабости въ состояніи всегда сдѣлать безвредными для дѣла воспитанія, поддерживая постоянное уваженіе къ нему въ воспитанникахъ.

Это достигается прежде всего, „когда воспитатель непременно будетъ оказывать уваженіе къ личности всѣхъ воспитанниковъ, потому что истертая, но полная вѣчной истины фраза—если ты хочешь, чтобы тебя уважали, уважай другихъ. Безъ уваженія къ воспитывающимся невозможенъ успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія. Это уваженіе его къ воспитанникамъ высказывается въ ласковомъ, человѣческомъ обращеніи съ ними, въ удаленіи всего, что можетъ оскорбить человѣческое чувство въ нихъ“.... Такимъ постояннымъ уваженіемъ къ нимъ вы много сдѣлаете для ихъ воспитанія: вы своимъ примѣромъ перельете и въ нихъ уваженіе къ другимъ, высокое, гуманное чувство, которое послужитъ и къ развитію чести, потому что уважающій подобныхъ себѣ и привыкшій къ уваженію своей личности не позволитъ себѣ безчестнаго поступка, чтобы не потерять уваженія людей, имъ уважаемыхъ, и къ развитію законности, потому что законъ вполнѣ уважается лишь тамъ, гдѣ въ уваженіи человѣческая личность“ (Общ. вост. 19).

Кромѣ любви къ принятому дѣлу воспитанія и уваженія къ личному достоинству питомцевъ, по мнѣнію П. Д., необ-

ходимо, чтобы воспитатель былъ образцомъ для нихъ въ исполненіи порученнаго ему дѣла: поэтому всякія, подъ разными благовидными предлогами, уклоненія отъ исполненія обязанностей, принятыхъ воспитателемъ, манкировка уроками, или лекціями и т. п., по справедливому его замѣчанію, не внушая конечно къ нему уваженія въ воспитанникахъ, имѣютъ вредное вліяніе на нихъ въ томъ отношеніи, что незамѣтно пріучаютъ ихъ къ неправильному взгляду на долгъ служебный, лишая въ тоже время самаго воспитателя права предъявлять имъ законныя требованія объ исполненіи ими обязанностей. Но самымъ необходимымъ условіемъ, для успѣшности дѣла воспитанія, онъ признаетъ безусловную честность воспитателя вообще и правдивость въ сношеніяхъ его съ воспитанниками. Всякія уклоненія воспитателя отъ пути чести и нравственнаго долга, хотя бы они совершались и внѣ учебнаго заведенія въ родѣ, напр., легкой наживы способами, хотя и не преслѣдуемыми положительнымъ закономъ, но въ существѣ несовмѣстимыми съ понятіемъ о высоко-нравственномъ человѣкѣ, подрываютъ въ корень уваженіе къ нему въ воспитанникахъ и дѣлаютъ его вреднымъ для дѣла воспитанія, такъ какъ слабыхъ изъ нихъ возбуждаютъ къ желанію подражанія такому поведенію. По мнѣнію покойнаго воспитатель въ сношеніяхъ съ воспитанниками долженъ и поступать всегда правдиво, каждую вещь и отношеніе называть свойственными имъ именами, долженъ прямо свидѣтельствовать предъ воспитанниками на ихъ вопросы о незнаніи или маломъ знаніи того, о чемъ они спрашиваютъ, не скрывать незнанія или малаго знанія того, не прибѣгать къ увертками и разнымъ хитросплетеніямъ, расчитаннымъ на поддержаніе своего ученаго авторитета. Всякіе личные счеты и интриги въ учебномъ заведеніи между его членами, окольные пути дѣйствій ихъ возбуждаютъ въ воспитанникахъ, которые скоро узнаютъ объ нихъ, не только чувство неуваженія, но и отвращеніе въ лучшихъ изъ нихъ, деморализируя слабыхъ.

Мысли покойнаго о воспитательномъ дѣлѣ, только что мною приведенныя, повидимому, имъ примѣнялись, главнымъ образомъ, къ низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Но изъ статьи, напечатанной покойнымъ, когда онъ уже былъ не у власти, подъ заглавіемъ „Московскій университетъ въ сороковыхъ годахъ“, видно, что онъ распространяетъ ихъ и на дѣятелей воспитанія и образованія въ высшей школѣ, университетѣ. Дѣй-

ствительно, съ какою любовію и уваженіемъ покойный, самъ уже старикъ, для котораго дѣло воспитанія было за обычай, вспоминаетъ о своихъ воспитателяхъ профессорахъ! За что онъ чтитъ ихъ память?

„За то, пишетъ онъ“, что мы выходили изъ университета со взглядомъ просвѣтленнымъ, намъ былъ указанъ путь для самостоятельныхъ научныхъ занятій, мы впитали въ себя уваженіе къ дѣлу, мы привыкли къ труду, что мы вынесли честныя нравственныя стремленія, которыя и были путеводною нитью нашей послѣдующей жизни. Вѣчная благодарность университету, насъ воспитавшему, и нашимъ благороднымъ незабвеннымъ наставникамъ“.

За эту же любовь къ воспитательному дѣлу, за это же пріученіе студентовъ посредствомъ своего примѣра къ честному и безкорыстному исполненію долга, за эту любовь и добродушіе, честность и прямоту въ отношеніи къ студентамъ, покойный пишетъ слово любви и уваженія непосредственному воспитателю зрѣлыхъ воспитанниковъ, инспектору Нахимову, не смотря на то, что въ поведеніи его находили странности и слабости, по обычаю, въ весьма замѣчательныхъ, выдающихся, дѣятеляхъ преувеличенныя.

Наконецъ покойный П. Д., говоря о качествахъ, необходимыхъ для воспитателя вообще, даетъ понять, какъ, по его мнѣнію, долженъ поступать человѣкъ, которому ввѣряется руководительство ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ цѣломъ округѣ. Это онъ выражаетъ, когда касается дѣятельности знаменитаго попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. „Мы уважали, говоритъ покойный, графа Сергѣя Григорьевича и тогда, когда были студентами, и когда сдѣлались учителями. Онъ зналъ каждаго изъ насъ, учителей, лично. Онъ часто посѣщалъ университетъ и во время лекцій и во время экзаменовъ; на лекціи приходилъ онъ обыкновенно или вмѣстѣ съ профессоромъ, или до него; присутствовалъ на диспутахъ, нерѣдко посѣщалъ гимназіи какъ въ Москвѣ, такъ и въ губернскихъ городахъ Московского округа, московскія уѣздныя и приходскія училища. Не смотря на свое аристократическое происхожденіе и огромное богатство, графъ былъ простъ въ обхожденіи, ласковъ, гуманенъ. Отъ него никогда не слышали крику, и громкихъ, а тѣмъ болѣе рѣзкихъ замѣчаній. Онъ всегда держалъ себя съ достоинствомъ, говорилъ

тихо, спокойно выслушивая. Доносамъ онъ не имѣлъ вѣры, пока не разузнаетъ основательно истины". Изъ дальнѣйшаго повѣствованія покойнаго мы усматриваемъ, что графъ Строгановъ былъ безпристрастенъ, не давалъ въ обиду никого изъ своихъ подчиненыхъ, приходилъ охотно на помощь къ дѣйствительно нуждавшимся въ ней, какъ учителямъ, тамъ и учащимся. Не могу отъ себя лично къ сказанному не присовокупить моего личнаго мнѣнія, которое, вѣроятно, раздѣляютъ всѣ, хорошо знавшіе покойнаго, что въ портретѣ Московскаго попечителя гр. Строганова, имъ нарисованномъ, усматриваются характеристическія черты самаго покойнаго П. Д., какъ главнаго руководителя учебно-воспитательнаго дѣла въ нашемъ краѣ.

Отмѣченныя мною основныя педагогическія воззрѣнія усвоилъ себѣ П. Д. въ большинствѣ ихъ ранѣе прибытія своего въ Казань.

Здѣсь онъ, смѣло можно сказать одно только, не измѣнилъ имъ нимало. Но здѣсь онъ встрѣтился съ воспитательнымъ вопросомъ, который не былъ ему основательно извѣстенъ, пока онъ учился и затѣмъ служилъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, какъ онъ впрочемъ не былъ извѣстенъ хорошо и многимъ другимъ педагогамъ, теоретикамъ и практикамъ, въ Россіи.

Около времени прибытія въ Казань покойнаго, на окраинѣ города, въ лачугѣ, заведена была частная школа для ученія дѣтей крещенныхъ татаръ. Въ началѣ существованія этой школы учениковъ ея нужно было считать единицами. Основатель этой школы былъ извѣстенъ лишь въ кругу немногихъ ученыхъ; обществу былъ совершенно неизвѣстенъ. Школа заведена была на его личныя средства, удѣлявшіяся отъ болѣе чѣмъ скромнаго содержанія по службѣ, составлявшаго единственный источникъ для пропитанія себя, жены и родныхъ.

Я, занимавшійся тогда инородческимъ вопросомъ какъ историкъ, товарищъ учредителя школы по университетскому преподаванію, съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за судьбами начинанія его; внимательно также прислушивался къ тому мнѣнію, которое высказывалось въ обществѣ по поводу этого начинанія; и долженъ сказать, что оно въ большинствѣ не пользовалось подобающимъ сочувствіемъ и одобреніемъ; самые скромные изъ цѣнителей этого дѣла выражали соболѣзнованіе, что такой почтенный человѣкъ, какимъ всѣ

считали Н. И. Ильминскаго, тратить свои силы и деньги на пустое предпріятіе. Но изъ этого пустаго предпріятія вышла и выросла цѣлая система просвѣщенія инородцевъ и сближенія ихъ посредствомъ школы съ русскимъ населеніемъ, дѣйствующая и теперь. Въ основу ихъ поставлено такое положеніе: это — учить инородцевъ, желающихъ быть не по имени только христіанами православной вѣры, слѣдуетъ такъ, что бы они понимали ученіе; этого достигнуть можно только тогда, когда ученіе вѣрѣ и другимъ правиламъ жизни, съ вѣрою православною связаннымъ, а равно богослуженію будутъ ведено на понятномъ для учащихся языкѣ, т. е., на ихъ родномъ, и когда ученіе и воспитаніе въ школѣ будутъ свободны отъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и будутъ ведены въ духѣ евангельскомъ, съ любовію къ дѣлу и къ учащимся, съ терпѣніемъ и безкорыстіемъ, т. е., когда воспитатели и учители въ ней будутъ обладать свойствами, которыя, какъ мы уже видѣли, покойный П. Д. признавалъ необходимыми и въ дѣлѣ воспитанія вообще. Въ сущности—это простая педагогическая аксіома, примѣнявшаяся отъ времени до времени къ инородцамъ и у насъ задолго ранѣе до появленія на западѣ педагогическихъ теорій въ этомъ смыслѣ, но потомъ у насъ забывавшаяся. Но извѣстно, что самыя простыя истины вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются самыми трудными для пониманія. Такъ и эта простая истина о просвѣщеніи инородцевъ не сразу была понята и должнымъ образомъ оцѣнена въ Казани въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но я не имѣю намѣренія здѣсь подробно излагать ходъ дѣла, зачатаго Н. И. Ильминскимъ и его сотрудникомъ о. Тимоѳѣевымъ, такъ какъ сравнительно недавно вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ „Казанская центральная крещено-татарская школа. *Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Напечатана иждивеніемъ попечителя школы, казанскаго 1-й гильдіи купца П. В. Щетинкина.* Казань 1887“. По этому превосходному труду, составленному многоуважаемымъ Н. И. Ильминскимъ, читатель его можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить исторію развитія и примѣненія къ дѣлу идеи, положенной въ основаніе этой школы и за тѣмъ, какъ она мало помалу, благодаря неусыпной энергической и безкорыстной дѣятельности учредителей школы, внимательному и высоко-просвѣщенному отношенію къ ней со стороны тогдашняго Мин. Н. Пр. Графа Д. А. Толстаго и со сторо-

ны, наконецъ, покойнаго Государя Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, тогда Наслѣдника престола, и другихъ особъ Царственной семьи,— какъ она, эта идея легла въ основаніе цѣлой системы просвѣщенія инородцевъ. Изъ этого-же труда ясно открывается и то глубокосочувственное отношеніе покойнаго П. Д. къ дѣлу, начатому Н. И. Ильминскимъ съ самаго почти начала его (онъ разрѣшилъ открытіе школы крещено-татарской) и при дальнѣйшемъ его развитіи. Но покойный не ограничился дѣятельностью на этомъ пути какъ лишь просвѣщенный начальникъ учебно-воспитательной части въ обширномъ краѣ. Онъ пожелалъ уяснить себѣ дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, силою исторіи введенныхъ въ составъ нашего великаго государства, чрезъ научное историческое изслѣдованіе дѣятельности прежнихъ насадителей среди нихъ христіанскаго просвѣщенія. Въ результатѣ этого направленія въ дѣятельности покойнаго было появленіе въ печати нѣсколькихъ трудовъ, посвященныхъ этому вопросу и тѣсно связаннымъ съ нимъ вопросамъ по исторіи, археологіи и этнографіи сѣверовосточнаго края Россіи. Труды эти: 1) Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. (Изв. и уч. Зап. Каз. Ун. за 1868 г. вып. 1). 2) Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника св. Стефана Велико-Пермскаго. (Ж. М. Н. Просв. за 1871 годъ). 3) Просвѣтитель Лопарей архимандритъ Ѳеодоритъ и св. Трифонъ Печенегскій (Ж. М. Н. Пр. 1868 г. 4) Родственно-ли Меря съ Вогулами? *По поводу сочиненій: Д. А. Корсакова „Меря и Ростовское княжество“ и графа А. С. Уварова—„Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. (Учен. Зап. Каз Унив. за 1873 г. № 1-й)* 5) Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ. Читано въ засѣданіи Казанскаго арх. съѣзда 1877 г. 31 іюля 6) Гдѣ книги, писанныя зырянскою или Пермскою азбукой, составленною св. Стефаномъ Велико-Пермскимъ? Читано въ засѣданіи того-же съѣзда 9-го августа 1877 г. 7) Замѣтка о вліяніи русскаго языка на инородческіе. Читано въ засѣданіи съѣзда 16 авг.— Послѣдніе два труда еще не сдѣлались доступными для публики, такъ какъ второй томъ „Трудовъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи“, въ которомъ они напечатаны, еще не вышелъ въ свѣтъ, хотя и нужно ожидать скораго его появленія въ продажѣ.

Въ этихъ трудахъ, а равно въ рѣчахъ покойнаго попечителя, напечатанныхъ въ трудѣ г. Ильминскаго, мною названномъ, высказывается тотъ же взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ, котораго держался и держится Ник. Ивановичъ. Поэтому я нахожу удобнѣйшимъ воздержаться отъ приведенія изъ нихъ соотвѣтствующихъ выписокъ въ настоящемъ сообщеніи. Но тутъ есть другая сторона дѣла, на которую я почитаю долгомъ обратить вниманіе общества. Это то, что покойный Петръ Дм., начавъ свои занятія съ цѣлію главнымъ образомъ разъясненія вопроса о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ сѣверо-восточной Россіи, неизбѣжно долженъ былъ вступить и вступилъ въ область вопросовъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, которые составляютъ предметъ занятій нашего общества. Нѣкоторыя положенія, которыя высказалъ покойный въ поименованныхъ трудахъ, могутъ быть оспариваемы, такъ какъ и самъ покойный выдавалъ ихъ не въ видѣ непреложныхъ научныхъ истинъ, а въ видѣ научныхъ предположеній или гипотезъ. Но позволяю себѣ сказать, что самый строгій критикъ не откажетъ имъ въ признаніи научного ихъ достоинства въ виду совершенно научныхъ пріемовъ въ изслѣдованіи взятыхъ имъ вопросовъ. Въ особенности это примѣняется къ тѣмъ мѣстамъ трудовъ покойного, гдѣ сообщаются историко-этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ. Тутъ онъ писалъ на основаніи предварительной солидной подготовки, на основаніи изученія языковъ инородческихъ и историческихъ источниковъ, и изданныхъ, и отчасти неизданныхъ.

Я со своей стороны позволяю себѣ думать, что трудъ покойнаго о Св. Стефанѣ Велико-пермскомъ не утратитъ на долго своего значенія, какъ особенно выдающійся своими научными достоинствами. Перечисленные мною труды покойнаго напечатаны ранѣе возникновенія нашего общества, которому съ такою честію и пользою послужилъ П. Д.; но между нимъ и научною дѣятельностію нашего общества особенно по инородческой этнографіи существуетъ родственная, преемственная, связь, такъ какъ наше общество не ослабѣваетъ на этомъ пути, выдѣливъ изъ среды своей такихъ дѣятелей, какъ покойный М. П. Веске и здравствующій теперь проф. Ив. Н. Смирновъ, который въ сегодняшнемъ же засѣданіи сдѣлаетъ сообщеніе, составляющее начало новаго обширнаго его этнографическаго труда. Такое направленіе занятій нашего обще-

ства, на мой взглядъ, слѣдуетъ признать заслуживающимъ полнаго вниманія не въ интересахъ только науки, но и въ интересахъ дальнѣйшаго христіанскаго просвѣщенія инородцевъ: чѣмъ лучше будетъ изученъ внутренній бытъ ихъ, тѣмъ вернѣе могутъ дѣйствовать истинные ревнители этого святого дѣла. Отсюда я полагалъ бы, конечно съ согласія наслѣдниковъ его, полезнымъ издать особой книгою труды перваго предсѣдателя нашего общества покойнаго П. Д., посвященные исторіи и этнографіи, разсѣянные теперь по разнымъ періодическимъ изданіямъ и потому трудно находимые, и старательно продолжать начатое имъ дѣло.

У насъ средствъ на то мало, или даже вовсе нѣтъ. Но я позволяю себѣ надѣяться, что благожелательное и просвѣщенное начальство Казанскаго уч. округа не откажетъ въ своемъ вниманіи къ нашему ходатайству о пособіи, съ которымъ совѣтъ общества предлагаетъ общему его собранію, въ настоящее его засѣданіе, войти къ Г. Министру Нар. Посвѣщенія.

Предсѣдатель Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ,

Заслуж. проф. Н. ѲИРСОВЪ.

Цѣна **25** коп.

2007041722